

Японские исследования. 2020. № 2. С. 133–151.

Japanese Studies in Russia, 2020, 2, pp. 133–151.

DOI: 10.24411/2500-2872-2020-10016

Переосмысление духовного наследия Л.Н. Толстого в современной Японии*

Л.Б. Карелова

Аннотация. Исследование рецепции учения Толстого в Японии представляет интерес как с точки зрения истории, возможностей и перспектив межкультурной коммуникации, уяснения путей укрепления взаимопонимания между двумя странами, так и в плане определения степени значимости тех или иных идей отечественной мысли через их воздействие на сознание людей в разных концах мира в целом.

В статье приводится краткий обзор истории начальных этапов восприятия и влияния учения Л.Н. Толстого в Японии – прослеживаются основные каналы трансляции и анализируются причины его популярности в этой стране, среди которых особо выделяются такие, как практическая направленность и гуманистический характер его учения, созвучность буддийскому мировоззрению в целом ряде аспектов, философия пацифизма и непротивления, экуменизм, идеализация и этизация земледельческого труда в гармонии с природой, размышления о гуманитарных проблемах прогресса. В центре авторского анализа – пути переосмысления и применения толстовских концепций современными японскими гуманитариями в поиске подходов к решению цивилизационных, политических, социокультурных, гуманитарных проблем XXI в. Предметом специального внимания становится инкорпорация идей Толстого современными японскими буддийскими мыслителями, в частности Икэда Дайсаку, а также компаративистские исследования основных положений философии Толстого и ключевых доктрин японской буддийской традиции. Объектом отдельного интереса являются примеры обращения к толстовскому наследию в японском пацифистском дискурсе в русле развернувшихся сегодня дебатов относительно будущего японской мирной Конституции и определения Японией своей новой роли в мире. Статья представляет собой первую попытку обобщения взглядов на толстовское наследие и его оценок в современной Японии в последние десятилетия и существенно дополняет представления о прочтении толстовской мысли за рубежом, благодаря определению спектра проблем, для осмысления которых сегодня привлекается ресурс русской философии, и выявлению путей и форм восприятия ее идей.

Ключевые слова: Толстой, Япония, буддизм, гуманизм, пацифизм, непротивление, философия жизни.

Автор: Карелова Любовь Борисовна, кандидат философских наук, старший научный сотрудник. Институт философии РАН (адрес: 109240, Москва, ул. Гончарная, 12/1). ORCID: 0000-0001-8207-801X; E-mail: lbkarelova@mail.ru

* Статья подготовлена в рамках гранта РФФИ № 19-011-00764 А «Современная зарубежная рецепция русской философии».

Rethinking of the spiritual heritage of Leo Tolstoy in contemporary Japan*

L.B. Karelova

Abstract. The study of the reception of Tolstoy's teaching in Japan is of interest both in terms of the history, opportunities, and prospects of intercultural communication, consideration of ways to strengthen mutual understanding between the two countries, and in terms of the determination of the importance of certain ideas of domestic thought through their impact on the consciousness of people in different parts of the world as a whole.

The article overviews the history of the initial stages of perception and influence of Leo Tolstoy's teaching. The main channels of its transmission and dissemination are traced and the reasons for its popularity in Japan are investigated. Among them, it is possible to single out such reasons as this teaching's practical orientation and humanistic nature, its consonance with the Buddhist worldview in a number of aspects, the philosophy of pacifism and non-resistance, ecumenism, idealization and ethization of agricultural work in harmony with nature, reflections on the humanitarian problems of progress. The author's analysis is focused upon the ways of rethinking and applying Tolstoy's concepts by contemporary Japanese humanities thinkers in their search for approaches to solving the civilizational, political, sociocultural, humanitarian problems of the 21st century. The subject of special attention is the incorporation of Tolstoy's ideas by modern Japanese Buddhist thinkers, in particular, Ikeda Daisaku, as well as comparative studies of Tolstoy's major philosophical concepts and key doctrines of the Japanese Buddhist tradition. The issue of particular interest is the appeal to the Russian thinker's spiritual heritage in the Japanese pacifist discourse in line with the present-day debate regarding the future of the peace clause of the Japanese Constitution and Japan's determination of its new role in the world. The article is the first attempt to generalize views on Tolstoy's heritage and its assessments in contemporary Japan in recent decades. The author aims to complement significantly the existing knowledge about the interpretation of Tolstoy's thought abroad, thanks to the determination of the spectrum of problems for which the resource of Russian philosophy is being used today and the identification of ways and forms of perception of its ideas.

Keywords: Tolstoy, Japan, Buddhism, humanism, pacifism, non-resistance, philosophy of life.

Author: *Karelova Liubov B.*, PhD (Philosophy), Senior researcher, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences (address: 12/1, Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation). ORCID: 0000-0001-8207-801X; E-mail: lbkarelova@mail.ru

Духовное наследие выдающихся мыслителей, к числу которых принадлежит великий русский писатель и философ Л.Н. Толстой, остаётся достоянием всего мира и неизбежно становится частью процесса межкультурной идейной коммуникации, стимулирующей дальнейшее движение философской мысли в разных странах.

Задачей настоящей статьи является исследование особенностей восприятия и осмысления учения Толстого в японской интеллектуальной среде на основе современных работ японских гуманитариев. Актуальность этой задачи определяется малой изученностью проблематики рецепции русской мысли в других странах, а также важностью поиска таких объединяющих идей, направленных на решение проблем мировой цивилизации, которые воспринимаются и адаптируются в различных культурных контекстах.

* The study was conducted with support of the Russian Foundation for Basic Research (RFBR), Project No. 19-011-00764 A "Current reception of Russian philosophy abroad".

**Восприятие идей Толстого в Японии в к. XIX – н. XX в.
Истоки «толстовского бума»**

Имя Л.Н. Толстого стало известно в Японии ещё в конце XIX в. после выхода в свет романа «Война и мир», который был издан на японском языке в переводе Мори Тай в 1886 г. В 1902 и 1903 гг. появились издания переведённых Като Наоси с английского языка философско-публицистических эссе Толстого «Исповедь», «В чём моя вера?» Как показывают исследователи истории восприятия учения Толстого в Японии, в частности Эгути Мицуру, на самом начальном этапе знакомства с творчеством Толстого после знаменитого романа-эпопеи в первую очередь там были изданы его философские и публицистические произведения [Эгути, 2000, с. 99–127]. Это можно увидеть, если обратиться к полной библиографии опубликованных в Японии переводов сочинений Толстого и посвящённых ему научных исследований, подготовленных Японским толстовским обществом [Нихон Торусутой]. Практически с самого начала Толстой стал восприниматься на Японских островах не только как литератор, но и как мыслитель. Первые публикации, знакомящие японцев с мировоззрением и прежде всего религиозными взглядами Толстого и содержащие их критику, принадлежали авторам христианского журнала протестантского направления «Рикуго дзасси» («Космос») и журнала православной семинарии «Синкай» («Море души») Уэмура Масахиса, Кодзаки Хиромити, Ёкой Токио, Абэ Исоо, Кониси Масутаро и др. [Янаги, 1998, с. 10–20, 31–38].

Кониси Масутаро (1862–1940) был первым японцем, который в 1892 г., являясь студентом Московского университета, лично познакомился с Толстым и имел возможность беседовать с ним на религиозно-философские темы, касающиеся как христианства, так и восточных философий. Вернувшись в Японию, он написал ряд статей о взглядах Толстого, в том числе «О мировоззрении Толстого» (1894), «Религия и мораль» (1896), а также перевёл такие его сочинения, как «Где любовь, там и Бог», «Религия и нравственность», «Крейцера соната» (совместно с Одзаки Коё).

Автор книги «Толстой и Япония» Янаги Томико прослеживает несколько каналов и направлений восприятия идей Толстого в Японии в периоды Мэйдзи (1868–1912) и Тайсё (1912–1926), каждый из которых был ориентирован на определённый слой японского общества, имевший специфические взгляды и интересы. Среди них – вышеуказанные христианские журналы, сосредоточенные прежде всего на религиозной концепции Толстого и его критике официальной церкви, журнал «Кокумин-но томо» («Друг народа»), издававшийся братьями-писателями Токутоми Сохо (1863–1957) и Токутоми Рока (1868–1927) и выражавший взгляды либеральной христианской интеллигенции, объединённой в общество Минъюся (Общество друзей народа), ратовавшее за буржуазно-демократические преобразования Японии; газета «Хэймин симбун» («Народная газета»), издававшаяся обществом японских социалистов Хэйминся (Общество простых людей), занимавшем антимилитаристские позиции; японские писатели-пацифисты, находившиеся под сильным влиянием Толстого, в том числе члены литературного объединения «Сирокаба» («Белая берёза»).

В период Тайсё интерес к Толстому в Японии несколько изменил свою направленность – больше внимания стала привлекать не антивоенная, социальная и религиозно-реформаторская, а морально-этическая тематика. В 1916 г. издательство Синтёся стало выпускать журнал

«Исследования Толстого», на страницах которого публиковались статьи, посвящённые не только произведениям и взглядам Толстого и других русских писателей, но и проблемам гуманизма в широком плане. На базе издательства был организован толстовский лекторий, возглавляемый писателем Като Такэо (1888–1956). Таким образом, имя Толстого стало символом гуманистической мысли, сосредоточенной на понимании человека, поисках смысла и наиболее достойного образа жизни. Важным направлением восприятия идей Толстого в этот период стало их осмысление сквозь призму буддизма [Янаги, 1998, с. 10–122].

Особый интерес представляет внимание к Толстому со стороны Нисида Китаро (1870–1945) – одного из ведущих философов Японии, которого также затронул «толстовский бум». В своей первой фундаментальной книге «Исследование блага» Нисида показывает, что все религии имеют общую основу, их объединяет то, что в их доктринах присутствуют идеи самоотречения и единения с Богом как «основой Вселенной» [Нисида, 1965, с. 167–177]. Существует большая вероятность, что данный его подход был обусловлен в том числе и примером Толстого, внимательно изучавшего сильные стороны всех религий и их общие характеристики.

О влиянии Толстого на окружение Нисида Китаро свидетельствует тот факт, что такие религиозные мыслители, как Киёдзава Манси (1863–1903) и Тикадзуми Дзёкан (1870–1941), связанные с традицией Син-буддизма, в начале XX в. издали свои «Исповеди» под впечатлением толстовской. Сам Нисида вскоре после «Исследования блага» в 1911 г. написал небольшую статью «О Толстом» [Нисида, 1965, с. 402–406], где он, с одной стороны, критиковал Толстого как «человека противоречия», однако, с другой стороны, подробно анализировал эволюцию учения мыслителя о жизни в таких его произведениях, как «Казак», «Исповедь», «О жизни». Нельзя исключить, что идею Толстого о том, что Бог всех религий един и составляет основу жизни, Нисида воспринял в более рациональной и систематической форме, изложив в своей книге «Исследование блага». Исследователь философии Нисида Судзуки Садами пишет: «В «Исследовании блага» прямо не говорится «Бог есть жизнь». Там сказано, что «Бог является основой Вселенной» и что человек обретает «подлинную жизнь», ощутив Бога в глубине своей души. Связь между человеком и Богом через жизнь, выраженная Толстым в формуле «Бог есть жизнь» Нисида попытался логически обосновать путем введения понятия «единства субъекта и объекта», достигаемого через познание «истинного я» и самоотречения. Таким образом, можно предположить, что Нисида придал витализму Толстого философскую рациональность» [Судзуки, 1998, с. 111].

Причин всплеска первоначального интереса к Толстому и к его идеям в Японии эпох Мэйдзи и Тайсё несколько.

Русский мыслитель задумывался о природе западного прогресса и связанных с ним проблемах для человечества и человека. Эти его размышления вызывали огромный резонанс во всём незападном мире, в том числе и в Японии, которая только вступила на путь модернизации [Marks, 2003, p. 123].

Во многом идеализация и морализация крестьянского труда и сельского образа у Толстого была созвучна возникшему в период Мэйдзи в Японии движению *нохонсюги* (досл. – аграриоцентризм), рассматривавшего сельское хозяйство как фундамент благополучия страны не только с точки зрения экономики, но и в качестве наиболее нравственного образа жизни в гармонии с природой. Это движение, развивавшееся и сохранявшее популярность вплоть до Второй мировой войны, противопоставляло патриархальную и естественную

общинную жизнь централизованному государству, олицетворявшему ультра национализм в 1930-х – начале 1940-х годов [Havens, 1970, p. 251].

Симпатии к Толстому среди японских социалистов и противников русско-японской войны в начале XX в. были также обусловлены его выступлениями с критикой этой войны в статье «Одумайтесь!» для газеты *The Times of London* (27 июня 1904 г.), которая затем была переведена и перепечатана японскими газетами «Асахи симбун» и «Хэймин симбун». Члены общества Хэйминся, придерживавшиеся социалистических взглядов, считали, что причиной войн был капитализм. Идея Толстого состояла в том, что причина войн коренится в человеческой душе, и человек сам в силах её устранить. Война и насилие рассматривались им как абсолютное зло, которое не может быть оправдано никакими благими целями. Один из лидеров Хэйминся Котоку Сюсуй опубликовал в 1904 г. статью «Критика пацифизма Толстого», в которой спорил с мыслителем относительно причин возникновения войн. Тем не менее влияние Толстого сыграло свою роль в том, что японская социалистически настроенная интеллигенция смогла противопоставить господствовавшим тогда в обществе патриотизму и слепой готовности к самопожертвованию гуманистический идеал отказа от насилия и уважения к человеческой жизни. Такой образ мышления получил название «гуманизм» (*дзиндосюги*) в период Тайсё, а людей, которые применяли философию Толстого на практике, стали называть «гуманистами».

Примечательно, что статья «Одумайтесь!» вызвала в то время отклик и религиоведа и религиозного философа Анэсаки Масахару (1873–1949), который уделил анализу её идейных оснований специальный раздел своей книги «Судьба страны и вера» («Кокуун то синко») [Анэсаки, 1906, с. 44–47]. Его подход несколько отличался от откликов на статью других японских интеллектуалов: он подчёркивал, что Толстой призывал в первую очередь к духовному перерождению каждого человека на основе постижения истины о единстве человеческого духа, братстве людей, любви, сострадании, святости жизни, которая лежит в равной мере в основе и христианства, и буддизма [Fessler, 2018, p. 89]. Таким образом, Анэсаки обращал внимание на созвучность толстовского религиозно-философского взгляда буддизму и аналогично Толстому считал человеческий дух основой для будущего развития Японии. Главная идея Толстого, согласно Анэсаки, заключалась в том, что война является результатом несовершенной индивидуальной духовности и что религия и политика не должны быть переплетены.

Среди представителей японской интеллигенции, находившихся под влиянием Толстого в период Тайсё были поэтесса Ёсано Акико (1878–1942), писатели Киносита Наоэ (1869–1937), Накадзато Кайдзан (1885–1944), Куросима Дэндзи (1898–1944), Симадзаки Тосон (1872–1943), члены литературного объединения «Сирокаба», такие как Мусякодзи Санэацу (1885–1976), Арисима Такэо (1878–1923), высказывавшие в своих произведениях близкие взглядам русского мыслителя идеи пацифизма, самосовершенствования, самореализации, всепобеждающей любви и др.

Одной из причин почитания Толстого в Японии была его способность реализовывать свои идеи в конкретных поступках. Это было близко японцам, поскольку для их национальной духовной традиции, в основе которой лежат буддийские и конфуцианские составляющие, также была характерна практическая направленность, непосредственная связь знания и действия. Этим обусловлено пристальное внимание многих японских

исследователей не только к идеям, но и к фактам биографии Толстого, которые они рассматривали в контексте этих идей.

Примеры Нисида Китаро и Анэсаки Масахару демонстрируют привлекательность для японской интеллигенции экуменистического подхода Толстого, который в своих размышлениях обращался к религиозно-философским доктринам разных культур и конфессий, включая христианство, ислам, древнеиндийскую философию, буддизм, даосизм и конфуцианство. Аналогичный подход был традиционно характерен и для японской мысли, объединяющей конфуцианство, буддизм и синтоизм как учения одинаково верные и необходимые для Японии.

В начале XX в. в Японии зародилось движение последователей Толстого, стремившихся подражать его образу жизни, воплощая его принципы в действии, соединяя сельский физический труд и философию, и появилось понятие «толстовство» (*торусутойсюги*). К числу таких людей принадлежал ряд известных писателей, в том числе Токутоми Рока, Это Тэкирэй (1880–1944), Мусякодзи Санэацу.

Их привлекали идеи реформирования общества через моральное совершенствование, идеи ненасилия, любви, и гармонии человека с природой.

Писатель Токутоми Рока посетил Толстого в 1906 г. в Ясной поляне и затем сам провёл оставшиеся 20 лет своей жизни в единении с природой в провинции Мусасино, занимаясь земледелием.

Появление толстовских коммун и индивидуальных подвижников-толстовцев было характерно не только для первой половины XX в., последний из таких толстовцев Кимитакадо Дзиро (1913–2004) дожил до 91 года. До конца жизни он работал на земле и занимался переводом трудов Толстого и популяризацией его идей среди молодёжи префектуры Кумамото.

Ещё одним аспектом рецепции толстовских идей в Японии был интерес к ним с точки зрения философии права, который был стимулирован знакомством с романом «Воскресение», впервые опубликованном в Японии в 1905 г. в переводе Утида Роан сначала в серии номеров газеты «Ниппон» («Япония»), а затем в виде книжного издания в 1908 и 1910 гг.

28 декабря 1932 г. профессор права Императорского Киотоского университета Такигава Юкитоки выступил с лекцией в Университете Тюо на тему «Мысли Толстого о наказании в романе «Воскресение»». В этой лекции он представил убеждение Толстого в том, что общество должно изучить причину преступления, прежде чем призывать к ответному наказанию виновного, и что сочувствие и понимание гораздо более гуманны, чем возмездие [Fukuyasu, 2015, p. 65–66]. С этого момента толстовские идеи стали привлекать японских исследователей в области права.

Беспрецедентное влияние Толстого на умы японцев, пик которого пришёлся на период Тайсё, осталось достоянием истории. Тем не менее, практически все рассмотренные выше аспекты многогранного интеллектуального наследия Толстого, привлекавшие внимание японцев в конце XIX – первой половине XX в., полностью не утратили своей актуальности и сегодня.

Идеи Толстого как ресурс нового мышления в современной Японии

По оценке японского эксперта М. Эгути, после 60-х годов XX в. исследование Толстого в Японии становится прерогативой главным образом специалистов по русской философии и культуре, а также наблюдается осмысление и инкорпорация идей Толстого в современной

буддийской мысли [Эгути, 2010, с. 29]. Однако в последнее время круг людей, обращающихся к идеям Толстого, и сфера их интересов и озабоченностей постепенно расширяются.

15 декабря 1996 г. было создано Японское Толстовское общество на базе женского Университета Сёва-Дзёси, на протяжении многих лет занимавшимся изучением философии и педагогики Толстого, членами которого стали учёные-специалисты разных областей, деятели культуры, а также простые люди, увлекающиеся творчеством Толстого. Одним из направлений деятельности этого общества стало издание ежегодника «Зелёная палочка», посвящённого литературному, философскому, педагогическому и другим аспектам творчества Толстого. С 2019 г. в Японии стал проводиться конкурс сочинений «Мой Толстой» среди школьников, организованный НПО «Геральд».

Занимаясь конкретными аспектами творчества Толстого, японские гуманитарии не могли ограничиваться чисто историческим подходом и неизбежно переосмысливали взгляды и подходы Толстого в контексте меняющихся реалий.

Уже в 1970-е годы стали появляться работы, рассматривающие толстовское учение применительно к новым вызовам, вставшим перед человечеством. Так, профессор Университета Тюкё Ясумура Хитоси ещё в 1977 г. так сформулировал проблемы, с точки зрения которых идеи Толстого приобретают новую значимость: «Современное общество, достигшее высокой степени цивилизованности, упёрлось в стену во многих отношениях и ищет выхода из этой ситуации. Проблемы существуют как в отдельных культурных ареалах, так и в масштабе всего мира и всего человечества. Эта ситуация наблюдается в различных областях – политике, экономике, культуре и т.д. Однако подобные явления характерны не только для современного мира, они время от времени возникали на протяжении истории. К таким проблемам сегодня относятся сложность самовыражения, утверждения своего «я» в хорошем смысле, утраты субъектности» [Ясумура, 1977, с. 181]. По его словам, путь к выходу из тупика утраты личностных ориентиров в современном обществе, сосредоточенном на частной жизни, можно и сегодня найти у Толстого, который и своей философией, и своим опытом отвечал на вопросы «Как жить?», «В чем смысл человеческой жизни?», «Для чего жить?» Толстой видел высшую цель самосовершенствования в том, чтобы стать лучше по отношению к другим людям. Собственное «я» воспринималось Толстым в контексте его взаимоотношений с другими людьми. Автор даёт свою интерпретацию 11-й главы «Исповеди» Толстого: «Толстой обращается к нам с такими символическими словами... Если посмотреть на жизнь животных, то их жизнь можно назвать счастливой, когда они сами сыты, могут рожать и вскармливать своих детенышей. Таким образом, их счастье состоит в том, чтобы осуществить изначальную цель жизни. В случае человека к этому добавляется еще одно – это жизнь для других. Только для себя человеку жить недостаточно, ему нужно ещё жить для других» [Ясумура, 1977, с. 195].

На рубеже XX и XXI столетий число примеров обращения японских гуманитариев к идеям Толстого в связи с ощущением разного рода кризисов и вызовов стало нарастать. После экономического подъёма 1970-х и 1980-х в Японии наступило так называемое потерянное десятилетие; иногда говорят о периоде рецессии как о «потерянном двадцатилетии». В такие моменты особо остро ощущаются и проблемы современной цивилизации, и кризис ценностей, в том числе ценностей общества потребления. Возникает

ощущение необходимости морального обновления, стремление найти точки опоры в духовном наследии прошлого.

В связи с этой ситуацией Цудзи Такааки, сотрудник научно-исследовательского центра акционерного общества Фурорэрэ, писал: «В условиях погони за материальными благами в эпоху высокого экономического роста и экономики мыльного пузыря Толстой не привлекал к себе внимания, однако в эпохи, подобные сегодняшней, когда имеет место ощущение тупика, можно сказать, что мы вступаем в период, когда становится очевидным действенность мягкой силы как рецепта решения социальных проблем, которая была характерной чертой подхода Толстого в его исследованиях, проблем любви, взаимопонимания, мира, жизни, природы, смысла жизни» [Цудзи, 2010, с. 18].

Цудзи проводит параллель между эпохой Толстого и современностью. Эпоха, в которую жил Толстой, отличалась появлением множества проблем, связанных с развитием индустриального общества, таких как загрязнение воздуха, забастовки, увеличение разрыва между богатыми и бедными, милитаризм, анархия, обыденность терроризма, борьба за гегемонию между великими державами, разрыв с природой, утрата Бога и т.д. Это было общество, в котором царил атмосфера тревоги.

Характеризуя современную эпоху, он отмечает территориальные споры, терроризм, проблемы окружающей среды, нехватку еды из-за роста численности населения, рост числа самоубийств, финансовые кризисы, усиление регулирования общества, разрушение образования, деформацию человеческой природы, плохое обращение с детьми, расслоение общества, и напоминает, что развитие глобального капиталистического общества приводит к нарастанию угрозы гибели человечества. Одновременно развитие эгоистического общества порождает экзистенциальные риски, такие как деградация окружающей среды, утрата любви, утрату Бога, разрыв связей между людьми, распад личности, потерю жизненного смысла. Цудзи утверждает, что если рассмотреть учение Толстого с точки зрения комплекса современных проблем, то можно увидеть, что оно содержит в себе ключи для их решения [Цудзи, 2010, с. 18].

Известный исследователь и популяризатор идей Толстого, автор нескольких книг о Толстом, почётный профессор Университетов Сока и Васэда Фудзинума Такаси (1931–2012) в книге «Жизнь Толстого» писал: «Жизнь Толстого не окончилась в 1910 г. Проблемы мира, веры, любви и человеческой природы и др., которые поднимал Толстой, не нашли своего решения и до сих пор остались открытыми. И если жизнь Толстого ещё не завершена, то значит он ещё жив» [Фудзинума, 1993, с. 6]. В книге «Жить с Толстым» он также подчёркивает: «Толстой говорил, что современный мир, государство и общество, имеют в основе не любовь, а власть и насилие. И в построенном на этой основе обществе царит закон джунглей, процветает идеология, согласно которой можно достичь собственного благополучия на несчастье других» [Фудзинума, 2013, с. 511–512]; «Если бы Толстой жил сегодня, он бы также боролся с эгоцентристской идеологией, противоречиями общества и безответственными политиками...» [Фудзинума, 2013, с. 514]. В своих работах он призывает для оздоровления современного мира взять за основу гуманистическую составляющую учения Толстого, выраженную в его художественных и публицистических произведениях. В качестве наиболее важных в этом плане он выделяет идеи Толстого о жизни, представления о счастье и способе его достижения, концепцию царства Божия внутри нас [Фудзинума, 1993].

Цудзи Такааки в статье, посвящённой 100-летию со дня смерти Толстого, характеризуя его как великого писателя, просветителя, социального мыслителя, учителя жизни, религиозного мыслителя и т.д., говорит: «За всеми этими гранями его личности просматриваются Толстой-реформатор общества, стремящийся к достижению счастья для всего человечества и Толстой-подвижник, стремящийся к самосовершенствованию... Реформаторство Толстого основывалось не на насилии, а на любви и гармонии и было направлено на достижение счастливого «общества, в котором люди могут жить смеясь», «общества, в котором люди живут в согласии»» [Цудзи, 2010, с. 16–17]. Основными идеями Толстого, значимыми для современности, по мнению Цудзи, являются идеи «абсолютного мира и ненасилия», «абсолютного равенства», «универсального гуманизма», «вера в себя», «возвращение к природе» (гармоничное сосуществование с природой), «любви как сущностной характеристике жизни» и т.д. [Цудзи, 2010, с. 18].

Останавливаясь на концепции ненасилия и её значении для современности, Цудзи пишет: «Сегодня становится ясно, что противостоянием с позиции силы невозможно разрешить конфликты. Какова бы ни была причина, стремление победить насилие насилием, а зло злом делает людей несчастными. Впервые люди начали осознавать, что достижение «общества, в котором люди улыбаются» «общества, в котором люди живут дружно» возможно только на основе решения всех вопросов с помощью любви и гармонии». Он также обращает внимание на то, что «идеи ненасилия Толстого относились не только к войне, но и к возникающим в человеческом обществе насилию над человеческой природой, плохому обращению с детьми, насилию власти и т.д., поэтому переосмысление учения Толстого с точки зрения современности крайне важно» [Цудзи, 2010, с. 19].

Второй момент, на котором фокусируется Цудзи – это тема силы любви, возвышающей человеческую природу, у Толстого. В основе «мягкой силы» Толстого лежит любовь. Если нет любви, связывающей с Богом, которая подобна *agané*, то не будет осуществляться мягкая сила, способная решать социальные проблемы.

Цудзи обращает внимание на то, что, говоря о важности развития науки и техники, социальной системы и ценностей общества, Толстой отмечал, что изменения общества не произойдут, «если не возвысится человеческий дух», т.е. духовный рост человека является предпосылкой социальных трансформаций. Цудзи подчеркивает, что писатель отнюдь не был критиком прогресса и цивилизации, он только говорил, что за развитием цивилизации должно следовать совершенствование человеческого сознания, развитие личности. Продолжая идею Толстого, японский автор говорит: «Разве выражение “рост человеческого духа” не означает “расширение собственного я”?» Направление, в котором должна идти трансформация человеческого «я», по его мнению, определено в книге Толстого «Путь жизни», где говорится: «Учение это коротко и просто. Оно всё в том, что все люди живут одним и тем же духом, что все люди одно и то же, но все разделены в этой жизни своими телами, и потому, если они понимают, что живут одним и тем же во всех духом, то им надо соединяться друг с другом любовью. Если же люди не понимают этого и думают, что живут только своими отдельными телами, то враждуют друг с другом и бывают несчастливы» [Толстой, 1992, т. 45, с. 82].

Цудзи характеризует подход Толстого как «космический взгляд, связывающий все жизни воедино», предопределяющий движение в направлении единства с другим. При этом «другой» – это не обязательно человек, это все вещи, существующие в мире. Признавая, что

единение с другим осуществить на деле непросто, Цудзи, развивая толстовскую мысль в духе буддийского мировоззрения, говорит, что «расширение своего я» есть ключ к человеческой жизни, который поможет и впредь решать все социальные проблемы [Цудзи, 2010, с. 19]. Примечательно, что образ жизни Толстого, реализующего свои идеалы в действии, рассматривается Цудзи как «бесценный подарок будущим поколениям» и характеризуется в буддийских терминах как «воплощающий принцип единства себя и другого» (*дзита итинё*) и состоящий в «спасении себя самого благодаря спасению других» (*дзири рита*) [Цудзи, 2010, с. 17].

Отсылки к произведениям Толстого в связи с анализом проблем современной цивилизации можно найти и в работах буддийского философа, религиозного и общественного деятеля Икэда Дайсаку (1928 г.р.), который считает Толстого одним из своих учителей. Авторству Икэда Дайсаку принадлежит интеллектуальная биография Толстого [Икеда, 2019]. Многие из его диалогов с выдающимися мыслителями, деятелями науки и культуры изданы на русском языке.

В книге диалогов с ректором МГУ В.А. Садовничим «На рубеже веков. Диалоги об образовании и воспитании» Икэда проводит параллели между концепцией совершенствования личности в буддизме махаяны, предполагающей открытие «внутренней опоры», и учением Толстого о духовном перерождении, несмотря на то, что Толстой идёт путём рационального самопознания. Икэда принадлежат следующие слова: «Во-первых, под термином *открытие внутренней опоры* подразумевается необходимость раскрыть себя, обнаружить в самом себе бесконечный светоносный источник силы и воли к жизни, который буддизм называет буддой. Буддизм утверждает, что семя будды заложено абсолютно в каждом. На этом основывается идея гуманизма, равенства и неприкосновенности жизни всех людей. Такая сущность будды изначально присуща как самой Вселенной, так и каждой выявленной частице Вселенной. И открытие такой внутренней опоры в душе даёт человеку шанс выйти из «недуга тупика». В повседневном существовании не так-то просто обнаружить и задействовать этот чудесный дар природы, находящийся под спудом разного рода предубеждений, возвышающего самообмана и иллюзий. Следовательно, нам нужно упорно и с ясным сознанием трудиться, дабы выявить эту сокровенную истину внутреннего будды для полного расцвета человеческой жизни... Сумеет ли мы найти это сокровище, подобное точке опоры Архимеда, мечтавшего: «Дайте мне точку опоры, и я переверну Землю»... В произведениях Льва Толстого несколько раз встречается подобный духовный переворот – от мрака к просветлению. В раннем произведении «Казачьи» описано ещё смутное, скорее стихийно поверхностное, чем выстраданное размышление над этим вопросом, которое дальше как бы передаётся Пьеру из романа «Война и мир», а затем воплощается в левинских думах... Известно, что Лев Толстой знал и высоко ценил буддизм. Кстати, изображение диалектики души в его произведениях в значительной мере созвучно с тем пониманием природы и предназначения человека, которое проповедуется в Сутре Лотоса. Это стремление постичь подлинный образ человека» [Икеда, 2005, с. 239–240].

Вслед за своим учителем Тода Дзёсэй и Толстым Икэда говорит о духовном перерождении как необходимом условии создания гармоничного общества. Он употребляет термин Тода «революция в душе человека», который также часто используется и для перевода понятия «духовный переворот» у Толстого. Говоря о «революции в душе человека» как «ключевом слове XXI века», Икэда имеет в виду не только буддийское просветление, но

вкладывает в это понятие более широкий смысл: «Существуют различные виды революций: политические революции, экономические революции, промышленные революции, научные революции, художественные революции... Но вне зависимости от того, что подвергается изменениям, мир никогда не станет лучше до тех пор, пока сами люди... остаются эгоистичными и неспособными к состраданию. В этом отношении революция в душе человека – наиболее фундаментальная из всех революций, и в то же время самая необходимая революция для человечества» [Икеда, 2006, с. 379–380].

Ещё одним важным аспектом философских взглядов Икеда, в связи с которым он также обращается к авторитету Толстого и Швейцера, является концепция неприкосновенности и абсолютного достоинства жизни в силу присутствия высшего духовного начала в каждом человеке и каждом живом существе [Икеда, 1998, с. 447–482]. Речь идёт о книге Толстого «Царство божие внутри вас...», где он пишет: «Признание жизни каждого человека священной есть первое и единственное основание всякой нравственности» [Толстой, 1992, т. 28, с. 246].

Икеда развивает это положение следующим образом: «Признание неприкосновенного достоинства жизни означает, что жизнь не имеет эквивалента, ничто не может заменить её. Сегодня люди строят свои жизни в соответствии с самыми разными системами ценностей. Утверждается диверсификация ценностей... Однако мы должны, признавая положительные стороны диверсифицированных ценностей, также искать такую ценность, которая может послужить общим фундаментом для всех людей, живущих разнообразными ценностями. Не имея общего ценностного фундамента, люди в принципе будут лишены общего языка для установления взаимного доверия и сотрудничества. В этих размышлениях я прихожу к выводу о том, что основополагающей ценностью для всего человеческого сообщества должна стать гуманность человека и неприкосновенность достоинства его жизни» [Тойнби, Икеда, 2007, с. 413].

Икеда говорит о том, что сегодня необходима новая философия, которая «утверждала бы внутреннюю святость каждого без исключения человека», которая должна быть наукой о человеке и в то же самое время – наукой о Вселенной, частью которой является жизнь человека» [Айтматов, Икеда, 2012, с. 268].

Компаративистские исследования

Особый интерес представляет компаративистское направление современных исследований философии Толстого, сравнивающие его идеи с буддийскими доктринами, и адаптируя их к японской мировоззренческой парадигме.

Так, в компаративистском ключе написана книга Сато Сэйро «Толстой. Странствие сердца», где автор анализирует этапы нравственных и интеллектуальных исканий великого русского мыслителя, прослеживая его духовную связь с различными философами и религиозными традициями. В то же время японский исследователь рассматривает наследие Толстого с позиции японской культуры.

Смирение и покорность божьей воле Платона Каратаева в романе «Война и мир» и слова из Дневников Толстого «Да будет твоя воля!» Сато воспринимает как мироощущение, тождественное описываемому японским буддийским мыслителем Синран в трактате «Свет в конце» («Магтосё») состоянию *дзинэн хони*, которое он определяет как существование

в соответствии с Законом мироздания – Дхармой или полное предание себя «силе другого», т.е. будды Амиды [Сато, 2001, с. 219]. Последние мысли Толстого о Боге – «Истинно существует только Бог, человек есть проявление Его в веществе, времени и пространстве» – учёный ассоциирует со следующими словами дзэнского учителя Догэн из знаменитого собрания «Сёбогэндзо» («Драгоценная зеница истинного Закона»): «Жизнь и смерть есть жизнь Будды», «Всё сущее обладает природой будды» [Сато, 2001, с. 220].

Наиболее ярким представителем компаративистского направления является профессор Университета Сока Эгути Мицуру. В своих работах она подробно рассматривает основные философские идеи Толстого – его понимание Бога и божественного начала в человеке, судьбы, жизни и смерти, времени и вечности, непротivления, проводя аналогии с такими буддийскими концептами как Дхарма, природа будды, карма, жизнь и смерть, сострадание в учении Сутры Лотоса, основываясь на трактовке Икэда Дайсаку. В результате исследований она приходит к следующему выводу: «Проведение параллелей... между учением Толстого и идеями буддийского мыслителя Д. Икеды, представляющего одно из направлений махаяны, позволяет конкретизировать наши представления о буддийской составляющей философии Толстого и отчасти объяснить причины, делающие толстовское учение понятным для японцев... Несомненно, глубокое проникновение в философские основания учения Толстого о непротivлении, произошедшее в Японии в полной мере уже во второй половине XX века, дало возможность по-новому оценить это учение как наиболее действенное и эффективное этическое учение, не утратившее свою актуальность и по сей день. Не случайно философия непротivления Толстого нашла абсолютное понимание и безоговорочную поддержку именно в среде современного секулярного буддизма, отличающегося стремлением к выявлению общезначимых ценностей, выходящих за рамки религиозных и культурных ограничений, к выработке путей достижения гармоничного, комфортного и успешного общества в условиях вызовов XXI в. [Эгути, 2010, с. 38].

Идеи Толстого в контексте современной философии жизни в Японии

Представители японской общественной мысли склонны сегодня оценивать Толстого не только как гуманиста и социального реформатора, но и как «философа жизни», рассматривая его идеи, содержащиеся как в философских работах «О жизни» и «Путь жизни», так и в художественных произведениях, таких как «Война и мир», «Казаки», «Смерть Ивана Ильича», «Хаджи-Мурат» и др. [Миясака, 2010, с. 31–47; Эгути, 2003, с. 273–285; Ясима, 1986, с. 96–97].

В послесловии к книге «О жизни» переводчик и один из ведущих исследователей Толстого Ясима Масахиро писал: «Учение о жизни Толстого для нас сегодняшних особо важно, когда смысл жизни и смерти смешивается, а человеческая жизнь сводится к естественно-научному пониманию, когда встаёт вопрос: что значит жизнь – это жизнь клеток, или жизнь индивида» [Ясима, 1993, с. 249].

Внимание к наследию Толстого в современном интеллектуальном пространстве Японии во многом обусловлено развитием философских направлений, получивших название «философия жизни» (*сэймэй тэцугаку*) и «философия сосуществования» (*кёсэй тэцугаку*). Учение Толстого о жизни, сформулированное им в эссе «О жизни», «Путь жизни» и других произведениях, наряду с идеями Эмерсона, Бергсона и Нисида Китаро, стало

рассматриваться в качестве одного из важных источников данного направления [Ёкояма, 2007, с. 46–47].

Философия жизни (как она понимается в современной Японии), отличается от философии биологии и биоэтики, она предполагает диалог и интеграцию между наукой и религией, её проблемная область во многом определяется концептами «достоинство жизни», «уважение к жизни», «духовность», «святость жизни», она занимается такими вопросами, на которые естественнонаучная рациональность не может дать ответ [Ёкояма, 2007, с. 49–50]. Учение Толстого олицетворяет собой именно такой подход к жизни.

Принцип абсолютного ненасилия Толстого в контексте дискурса по поводу изменения 9-й статьи Конституции Японии

Уже упомянутый Кимитакадо Дзиро помимо переводческой деятельности и «толстовского» образа жизни известен также как активный борец за сохранение 9-й мирной статьи Конституции Японии, вступившей в силу в 1947 г. и провозглашающей отказ от войны как средства решения международных споров и от обладания вооруженными силами. В своей антивоенной публичной деятельности он широко привлекал идеи Толстого. В его устной автобиографии, записанной журналистом и писателем Нанри Ёсинори, значительный раздел содержит размышления по поводу неприемлемости войны и насилия и доводы в поддержку Конституции мира, вопрос об изменении которой периодически поднимается в японском политикуме и обществе. В частности, в этой книге рассказывается, что Кимитакадо решил перевести сочинение Толстого «Царство божие внутри вас», чтобы ещё раз привлечь внимание к проблеме 9-й статьи, и содержится такое его рассуждение: «"Царство божие", которое Толстой противопоставлял "власти на земле", это – обитающий в груди тысяч людей разум (или лучше сказать "душа"). Он говорил, что если бы всё человечество имело достаточно мужества, чтобы следовать голосу собственного разума, который стоит выше телесной жизни, то всё насилие бы прекратилось, и было бы создано царство божие на Земле, т.е. "царство божие" находится внутри вас... Я рассматриваю Конституцию, провозглашающую отказ от войны, шагом, приближающим нас к царству божию, и продолжаю уповать на её защиту» [Нанри, 2005, с. 150]. Вслед за Толстым Кимитакадо говорил, что никакое насилие не может привести к победе над злом, лишь «переворот в сознании» человека, стремящегося к постижению всеобщей истины, приведёт к появлению лучшего общества [Нанри, 2005, с. 155].

Ямамура Синъити, почётный профессор Института гуманитарных исследований Киотоского университета в книге «Идейная традиция 9-й статьи Конституции» [Ямамура, 2007] поставил цель проанализировать причины возникновения войн. Он предположил, что существуют определённые механизмы, побуждающие людей вступать в войну и превращать их в дьяволов, которые будут активно участвовать в боевых действиях, даже если дома они живут в соответствии с идеей о недопустимости убийства. Поскольку Япония воевала почти каждые десять лет, начиная с китайско-японской войны конца XIX в. до 1945 г., он задался вопросом, являются ли японцы от природы воинственными людьми или нет. Это также стало одним из мотивов для написания этой книги. В результате ему удалось показать, что японцы не только бездумно пускались в военные авантюры, но и много размышляли о том, как они могут остановить войну. Он пришёл к выводу, что хотя эта интенция не была доминирующей,

пацифистские идеи подспудно аккумулировались в истории японской духовной культуры и сохранились до сегодняшнего дня. Ямамура в своей книге стремится показать, что мирная Конституция является воплощением философии ненасилия: «Статья 9 касается не только отказа от войны или запрещения ведения войны с помощью военной силы. Это философия ненасилия. Вся Конституция Японии чётко посвящена искоренению различных видов насилия. Хотя Конституция касается правовых вопросов..., я искренне рекомендую вам один раз прочитать её с этой точки зрения» [Ямамура, 2010, с. 221]. Философию Толстого он рассматривает как один из духовных источников японского пацифизма, который оказал огромное влияние на сознание многих людей ещё в период Русско-японской войны и продолжает оказывать до сих пор [Ямамура, 2005, с. 229–241].

Ямамура размышляет о философском аспекте проблемы ненасилия и поиске способов прекращения насилия в современном мире. Он считает недостаточным рассматривать насилие просто как проблему сердца или ума. Отталкиваясь от идеи обретения блага для себя через благо других, он развивает идею «гуманитарной конкуренции» или гуманитарного подхода к конкуренции, который должен стоять за военной, политической экономической конкуренцией. В этом случае конкуренция не означает, что только одна сторона выигрывает, конкурентные отношения должны быть равноправными [Ямамура, 2007, с. 251].

Некоторые выводы

Рассмотренные примеры обращения к толстовскому наследию японских учёных и общественных деятелей свидетельствуют о том, что философское учение Толстого сегодня рассматривается ими в качестве важного интеллектуального ресурса для решения проблем современной философии как в аспекте формирования нового гуманистического учения, потребность в котором возникает в связи с необходимостью в меняющемся мире вновь искать ответы на вопросы о том, что такое человек и каково его место в мире, что значит сегодня быть человеком, так и в ракурсе личностно-экзистенциальных проблем, таких как проблема самореализации, достижения счастья и ощущения полноты жизни.

Представляется важным, что в век обострения военных конфликтов, стремительного развития биотехнологий, информатизации, экспансии симулякров, фейковых новостей, *post-truth politics*, расширяющейся гиперреальности и господства *big data* пути преодоления дефицита гуманитарной составляющей и ценностного подхода к самому феномену жизни, который сегодня ощущается не только в России, но и в Японии, интеллектуалы этой страны находят в том числе и в учении русского мыслителя. Это свидетельствует о наличии невидимых точек духовного соприкосновения двух культур.

Хотя в настоящее время и нельзя констатировать всплеска популярности Толстого, сопоставимого с «толстовским бумом» эпохи Тайсё, японцы и сегодня рассматривают писателя как значимую фигуру в истории общественной мысли, сравнивая его с такими великими японскими философами как Догэн, Синран, Нисида Китаро. Идеи Толстого активно адаптируются японскими гуманитариями, получая толкование в терминах собственного культурно-интеллектуального пространства и становясь его частью. Примечательно, что прецеденты обращения к идеям Толстого в новейший период уже не ограничиваются деятельностью специалистов, изучающих русскую культуру, но и связаны с более широким горизонтом интересов японских обществоведов разных направлений.

Можно предположить, что стремление к поиску универсальных рецептов выхода из цивилизационного кризиса, воспринимаемых в различных культурных контекстах, а, следовательно, и внимание к трудам Толстого будет только нарастать.

В наши дни межкультурная коммуникация стала широко востребованным направлением исследований в социогуманитарных науках, обрастая ответвлениями: например, легитимацию получила межкультурная философия. Межкультурная коммуникация стала университетской дисциплиной в учебных заведениях высшего образования по всему миру. Однако авторы учебников порой забывают, что Л.Н. Толстого с полным основанием можно называть величайшим «межкультурным коммуникатором» и «межкультурным философом», заложившим краеугольный камень этой креативной области знаний.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Анэсаки Масахару. Кокуун то синко : [Судьба страны и вера]. Токио: Кодокан, 1906. 578 с.

Айтматов Ч., Икеда Д. Ода величию духа. Диалоги. М.: Изд-во МГУ, 2012. 283 с.

Ёкояма Тэруо. Сэймэй тэцугаку то икимоногаку-но тэцугаку – J-фирофизи-но каносэй : [Философия жизни и философия биологии – возможности японской философии] // Тэцугаку-но танкю. 2007, № 34. С. 41–51.

Икеда Дайсаку. Сэймэй-о сонгэн нарасимэру моно : [О достоинстве жизни] // *Икеда Д.* Полн. собр. соч. Т. 1. Токио: Сэйкё симбунся, 1988. С. 447–482.

Икеда Дайсаку. Сэйсюн тайва 1. 21 сэйки-но сюяку-ни катару : [Диалог с молодежью 1. Разговор с главными героями XX века]. Токио: Сэйкё симбунся, 2006. 413 с.

Икеда Д., Садовничий В. На рубеже веков. Диалоги об образовании и воспитании. Издательство Московского университета. 2005. 272 с.

Икеда Д. Беседа о Толстом. 2019. URL: <https://www.sgi.org/ru/assets/pdf/Tolstoy.pdf> (дата обращения: 20.04.2020).

Миясака Кадзуо. Торусутой-но сэймэйрон : [Учение о жизни у Толстого] // Нингэн канкёгаку кэнкю [Исследования по экологии человека]. Хиросима сандо дайгаку. 2010, Т. 8, № 12. С. 31–47.

Нанри Ёсинори. Кумо-но ито. Кимитакадо Дзиро кикигаки : [Нить из облака. Запись со слов Кимитакадо Дзиро]. Фукуока: Сирануй сёбо, 2005, 254 с.

Нисида Китаро. Дзэн-но кэнкю : [Исследование блага] // Нисида Китаро дзэнсю [Полное собрание сочинений Нисида Китаро]. Т. 1. Токио: Иванами сётэн, 1965. С. 3–196.

Нисида Китаро. Торусутой-ни цуитэ : [О Толстом] // Нисида Китаро дзэнсю (Полн. собр. соч. Нисида Китаро). Т. 1. Токио: Иванами сётэн, 1965. С. 402–406.

Нихон Торусутой кёкай : [Японское толстовское общество]. Торусутой бункэн : [Библиография Толстого]. URL: <https://cysaas003.cu-mo.jp/cgi-bin/x6419d3ebbd5/db.cgi?page=DBView&did=157> (дата обращения: 20.04.2020).

Сато Сэйро. Торусутой. Кокоро-но табидзи : [Толстой. Странствие сердца]. Токио: Сюдзюся, 2001. 230 с.

Судзуки Садами. Нисида Китаро «Дзэн-но кэнкю»-о ёму: сэмэйсюги тэцугаку-о кэйсэй : [Читаем «Исследование блага» Нисида Китаро: формирование философии жизни] // Нихон кэнкю. Кокусай Нихон бунка кэнкю сэнта киё : [Японские исследования: Вестник Международного исследовательского центра японских исследований]. 1998. Т. 17. С. 87–136.

Тойнби А. Дж., Икеда Д. Избери жизнь. Диалог Арнольда Дж. Тойнби и Дайсаку Икеды. М.: Изд-во МГУ, 2007. 448 с.

Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений в 91 тт. М.: Терра, 1992.

Фудзинума Такаси. Торусутой-но сёгай : [Жизнь Толстого]. Токио: Дайсан буммэйся, 1993. 250 с.

Фудзинума Такаси. Интервью. Има косо Торусутой-ни манабу : [Именно сегодня мы учимся у Толстого] // Дайсан буммэй. 2009, сентябрь, № 596, с. 84–87.

Фудзинума Такаси. Торусутой то икиру : [Жить с Толстым]. Токио: Сюнпуся, 2013. 579 с.

Цудзи Такааки. Гэндай-ни икиру Торусутой : [Толстой в современной жизни] // Eurasian Studies. 2010, № 43. С. 15–20.

Эгэти Мицуру. Восприятие философии ненасилия Л.Н. Толстого в Японии // Философские исследования. 2000, № 4 (29). С. 99–127.

Эгэти Мицуру. Учение Л.Н. Толстого о непротивлении и идея ненасилия Д. Икеды (опыт сравнения) // Сравнительная философия: Моральная философия в контексте многообразия культур. М.: Вост. лит., 2004. С. 143–151.

Эгэти Мицуру. Восприятие учения Л.Н. Толстого в современной буддийской мысли Японии в контексте формирования этики XXI века // Философия и культура. 2010, № 6 (30). С. 28–39.

Эгэти Мицуру. Л.Н. Торусутой-но сэйнен дзидай ни окэру тэцугакутэки мосаку : [Философские поиски Л.Н. Толстого в молодые годы] // Сока дайгаку дайгакуин киё : [Бюллетень аспирантуры Университета Сока]. 2003. Т. 25. С. 273–285.

Ямамуро Синъити. Нитиро сэнсо-но сэйки [Вековой юбилей русско-японской войны]. Токио: Иванами сётэн, 2005. 249 с.

Ямамуро Синъити. Кэмпо 9 дзё-но сисо суймяку : [Идейная традиция 9-й статьи Конституции]. Токио: Асахи симбунся, 2007. 289 с.

Ямамуро Синъити. Нихон-но хиборёку сисо-но суймяку то соно хатгэн : [Японская философия ненасилия и ее развитие] // Тоё гакудзюцу кэнкю : [Восточные научные исследования]. 2010. Т. 49, № 1. С. 232–264.

Янаги Томико. Торусутой то Нихон. Токио: Хэймонся, 1998. 360 с.

Ясима Масахико. «Дзангэ»-ни аравасарэта Рэфу Торусутой-но нингэнгаку-но кисо ни цуитэ : [Об основаниях учения о человеке Льва Толстого в «Исповеди»] // Росияго Росия бунгаку кэнкю : [Исследования русского языка и литературы]. 1986, № 18. С. 96–97.

Ясима Масахико. Дзинсэй-но кёси Торусутой : [Учитель жизни Толстой] // Л.Н. Торусутой. Сэймэй-ни цуитэ : [Л.Н. Толстой. О жизни]. Токио: Сюэйся, 1993. С. 239–255.

Ясима Масахико. Торусутой : [Толстой]. Токио: Симидзу Сёин, 1998. 216 с.

Ясумура Хитоси. Торусутой то гэндай : [Толстой и современность]. Тюкё сякэн : [Исследования по общественным наукам Университета Тюкё]. 1977, № 5. С. 181–202.

Fessler S. Anesaki Masaharu's Reception of Leo Tolstoy and His Failed Attempt at Finding the Faith // The Journal of Transcultural Studies. 2018. Vol 9. No 1-2. P. 72–94. DOI: 10.17885/heiup.jts.2018.1-2.23792

Fukuyasu Yoshiko. L. Tolstoy in Japan: The Fate of Ivan the Fool and Resurrection // Japanese Slavic and East European Studies. 2015. Vol. 36. P. 57–75. DOI: 10.5823/jsees.36.0_57

Havens Th.R.H. 1970. Kato Kanji and the Spirit of Agriculture in Modern Japan. *Monumenta Nipponica*. Vol. 25, No. 3/4 (1970), pp. 249–266.

Marks S.G. How Russians Shaped the Modern World: From Art to Anti-Semitism, Ballet to Bolshevism. Princeton: Princeton University Press, 2003. 408 p.

Shields J.M. Future Perfect: Tolstoy and the Structures of Agrarian-Buddhist Utopianism in Taisho Japan // *Religions*. 2018, № 9 (161). P. 1–12. URL: <https://www.mdpi.com/2077-1444/9/5/161> (дата обращения: 20.04.2020). DOI: 10.3390/rel9050161

REFERENCES

Aitmatov, Ch. and Ikeda, D. (2012). Oda velichiyu dukha. Dialogi [Ode to the Grand Spirit. Dialogues], Moscow: Moscow University Publishing House. (In Russian).

Anesaki, Masaharu (1906). Kokuun to shinko [The fate of the country and faith], Tokyo: Kodokan. (In Japanese).

Eguchi, Mitsuru (2000). Vospriyatiye filosofii nenasiliya L.N. Tolstogo v Yaponii [The perception of the philosophy of non-violence of Leo Tolstoy in Japan], *Filosofskiye issledovaniya* [Philosophical studies], 4 (29): 99–127. (In Russian).

Eguchi, Mitsuru (2003). L.N. Torusutoi no seinen jidai ni okeru tetsugakuteki mosaku [The philosophical searches of Leo Tolstoy in his youth], *Sōkadaigaku daigakuin kiyō* [Bulletin of Soka University Graduate School], 25: 273–285. (In Japanese).

Eguchi, Mitsuru (2004). Ucheniye L.N. Tolstogo o neprotivlenii i ideya nenasiliya D. Ikedy (opyt sravneniya) [L.N. Tolstoy's Teaching on non-resistance and D. Ikeda's idea of non-violence (comparison experience)], in *Sravnitel'naya filosofiya: Moral'naya filosofiya v kontekste mnogoobraziya kul'tur* [Comparative Philosophy: Moral Philosophy in the Context of Cultural Diversity], Moscow: Vostochnaya literatura, 2004, 143–151. (In Russian).

Eguchi, Mitsuru (2010). Vospriyatiye ucheniya L.N.Tolstogo v sovremennoy buddiyskoy mysli Yaponii v kontekste formirovaniya etiki XIX veka [Perception of Leo Tolstoy's teaching in modern Buddhist thought of Japan from the point of view of formation of ethics of the 19th century], *Philosophy and Culture*, 6 (30): 28–39. (In Russian).

Fessler, S. (2018). Anesaki Masaharu's Reception of Leo Tolstoy and His Failed Attempt at Finding the Faith, *The Journal of Transcultural Studies*, 9 (1–2): 72–94.

Fujinuma, Takashi (1993). Torusutoi no shogai [Life of Tolstoy], Tokyo: Daisan bummeisha. (In Japanese).

Fujinuma, Takashi (2009). Interview. Ima koso Torusutoi ni manabu [It is today that we learn from Tolstoy], *Daisan bummei*. September, 596: 84–87. (In Japanese).

Fujinuma, Takasi (2013). Torusutoi to ikiru [To live with Tolstoy], Tokyo: Shunpusha. (In Japanese).

Fukuyasu, Yoshiko (2015). L. Tolstoi in Japan: The Fate of Ivan the Fool and Resurrection, *Japanese Slavic and East European Studies*, 36: 57–75.

Havens, Th. R.H. (1970). Kato Kanji and the Spirit of Agriculture in Modern Japan, *Monumenta Nipponica*, 25 (3/4): 249–266.

Ikeda, Daisaku (1988). Seimei o songennarashimeru mono [On the dignity of life], *Ikeda Daisaku Complete Works*. 1: 447–482. (In Japanese).

Ikeda, Daisaku (2006). *Seishun taiwa I. 21 seiki no shuryaku ni kataru* [Dialogue with youth I. Talk to the protagonist of the 21st century], Tokyo: Seikyo Shimbunsha. (In Japanese).

Ikeda, Daisaku (2019). *Beseda o Tolstom* [Talk about Tolstoy]. URL: <https://www.sgi.org/ru/assets/pdf/Tolstoy.pdf> (accessed: 20 April 2020). (In Russian).

Ikeda, D. and Sadovnichiy, V. (2005). *Na rubezhe vekov. Dialogi ob obrazovanii i vospitanii* [At the turn of the century. Dialogues about education and upbringing], Moscow: Publishing House of Moscow University. (In Russian).

Marks, S.G. (2003). *How Russians Shaped the Modern World: From Art to Anti-Semitism, Ballet to Bolshevism*, Princeton: Princeton University Press.

Miyasaka, Kazuo (2010). *Torusutoi no seimeiron* [Tolstoy's theory of Life], *Ningen kankyogaku kenkyu* [Journal of human environmental studies], Hiroshima sando daigaku, 8 (12): 31–47. (In Japanese).

Nanri, Yoshinori (2005). *Kumo no ito. Kimitakado Jiro kikigaki* [Cloud thread. Interview with Kimitakado Jiro], Fukuoka: Shiranui shobo. (In Japanese).

Nihon Torusutoi kyokai [Japan Tolstoy Society]. *Torusutoi bunken* [Bibliography of Tolstoy]. URL: <https://cysaas003.cu-mo.jp/cgi-bin/x6419d3ebbd5/db.cgi?page=DBView&did=157> (accessed: 20 April 2020). (In Japanese).

Nishida, Kitaro (1965). *Torusutoi ni tsuite* [About Tolstoy], *Nishida Kitaro Complete Works*, Tokyo: Iwanami shoten, 1965-66, 1: 402–406. (In Japanese).

Nishida, Kitaro (1965). *Zen-no kenkyu* [A Study of Good], in *Nishida Kitaro Complete Works*, Tokyo: Iwanami shoten, 1965-66, 1: 3–196. (In Japanese).

Sato, Seiro (2001). *Torusutoi. Kokoro no tabiji* [Tolstoy. Journey of the heart], Tokyo: Shunjusha. (In Japanese).

Shields, J.M. (2018). *Future Perfect: Tolstoy and the Structures of Agrarian-Buddhist Utopianism in Taisho Japan*, *Religions*, 9 (161): 1–12. URL: <https://www.mdpi.com/2077-1444/9/5/161> (accessed: 20 April 2020).

Suzuki, Sadami (1998). *Nishida Kitaro "Zen no kenkyu"-o yomu: seimeishugi tetsugaku o keisei* [Reading Nishida Kitaro's "Study of Good": the formation of vitalistic philosophy], *Nihon kenkyu. Kokusai Nihon bunka kenkyu senta kiyō* [Japanese Studies: Bulletin of International Research Center for Japanese Studies], vol. 17: 87–136. (In Japanese).

Tolstoy, L.N. (1992). *Complete Works in 91 vol.*, Moscow: Terra. (In Russian).

Toynbee, A.J. and Ikeda, D. (2007). *Izberi zhizn'. Dialog Arnol'da Dzh.Toynbi i Daysaku Ikedy* [Choose life. Dialogue of Arnold J. Toynbee and Daisaku Ikeda], Moscow: Publishing House of Moscow State University. (In Russian).

Tsuji, Takaaki (2010). *Gendai ni ikiru Torusutoi. (Tolstoy's thought and its relevance today)*, *Eurasian Studies*, 43: 15–20. (In Japanese).

Yamamuro, Shin'ichi (2005). *Nichiro senso no seiki* [Century of the Russo-Japanese War], Tokyo: Iwanami shoten. (In Japanese).

Yamamuro, Shin'ichi (2007). *Kempo 9 jo no shiso suimyaku* [The thought lineage of article 9 of the Japanese constitution], Tokyo: Asahi Shimbunsha. (In Japanese).

Yamamuro, Shin'ichi (2010). *Nihon hiboryoku shiso no suimyaku to sono hatten* [The lineage of Japanese thought of non-violence and its further development], *Toyo gakujutsu kenkyu* [Oriental Scientific Research], 49 (1): 232–264. (In Japanese).

Yanagi, Tomiko (1998). *Torusutoi to Nihon* [Tolstoy and Japan], Tokyo: Heimonsha. (In Japanese).

Yashima, Masahiko (1986). *Tolstoy*, Tokyo: Shimizu Shoin. (In Japanese).

Yashima, Masahiko (1986). “Zange” ni arawasareta Refu Torusutoi no ningengaku-no kiso ni tsuite [About the foundations of Leo Tolstoy’s anthropology expressed in the «Confession»], *Rosiago Rosia bungaku kenkyu* [The Researches of Russian Language and Russian Literature], 18: 96–97. (In Japanese).

Yashima, Masahiko (1993). *Jinsei-no kyoshi Torusutoi* [Life teacher Tolstoy], L.N. Tolstoi. *Seimei ni tsuite* [L.N. Tolstoy. On Life], Tokyo: Shueisha, p. 239–255. (In Japanese).

Yasumura, Hitoshi (1977). *Torusutoi to gendai* [Tolstoy and the Present day], *Chukyo shaken* [Chukyo University Studies in Humanities], 5: 181–202. (In Japanese).

Yokoyama, Teruo (2007). *Seimei tetsugaku to ikimonogaku-no tetsugaku – J-philosophy no kanosei* [The philosophy of life and the philosophy of biology – the possibilities of J-philosophy], *Tetsugaku-no kankyu* [Philosophical Investigation], 34: 41–51. (In Japanese).

Поступила в редакцию 30.04.2020

Received 30 April 2020

Для цитирования: Карелова Л.Б. Переосмысление духовного наследия Л.Н. Толстого в современной Японии // Японские исследования. 2020. № 2. С. 133–151. DOI: 10.24411/2500-2872-2020-10016

For citation: Karelova L.B. (2020). *Pereosmyslenie dukhovnogo naslediya L.N. Tolstogo v sovremennoi Yaponii* [Rethinking of the spiritual heritage of Leo Tolstoy in contemporary Japan], *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 2020, 2: 133–151. (In Russian). DOI: 10.24411/2500-2872-2020-10016